

Ресторан «Чжоу Цзи» был тем самым местом, где время словно замедляло свой бег, окутывая гостей ароматами имбиря, белого перца и медленно томящегося в глиняных горшочках рисового отвара. В зале стоял ровный, убаюкивающий гул голосов, а светильники под потолком отбрасывали на столы тёплые, янтарные круги. Для Жуйси, чей южный темперамент требовал легкой, но согревающей пищи, этот запах был синонимом домашнего уюта. Припарковав машину под мягким светом фонарей, Лу Тинхао повел юношу на второй этаж, в тихую кабинку, отделенную от общего зала тяжелой бархатной портьерой, за которой скрывалась приватность и покой. Внутри было тепло, пахло деревом и старым вином, а на столе, накрытом белоснежной скатертью, уже горела свеча в низком стеклянном стаканчике, отбрасывая на лица дрожащие тени. Сняв пальто, Лу Тинхао вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету, оставив Жуйси наедине с тишиной и собственными мыслями. Тот, пытаясь отвлечься от нарастающего напряжения, взял телефон Лу Тинхао и погрузился в простую игру-головоломку, однако спокойствие было нарушено внезапно завибрировавшим устройством. На экране ярко высветилось имя «Фань Лулу», и это имя, словно холодная капля, упало в душу Жуйси, вызывая неприятный спазм ревности. «Опять она. Почему она звонит ему так поздно?» — пронеслось в голове, и пальцы, сжимавшие телефон, побелели.

— Холодно снаружи, зачем ты вышел? — спросил Лу Тинхао, вернувшись в кабинку и заметив протянутый ему телефон. Его голос был ровным, но в глубине глаз читалось легкое беспокойство, смешанное с усталостью.

— Звонят, — коротко ответил Жуйси, стараясь скрыть дрожь в голосе и передавая устройство владельцу.

Лу Тинхао, увидев имя на экране, тяжело вздохнул и принял вызов. Разговор затянулся, наполняя уютное пространство кабинки односторонним диалогом, в котором слышались лишь ответы мужчины и тихие, прерывистые всхлипы женщины на другом конце провода: «Я знаю, что это несправедливо... Я решаю этот вопрос... Пожалуйста, не плачь». Жуйси сидел напротив, слушая эти интимные, полные боли слова, и чувствовал, как внутри него растет глухая, колючая обида, смешанная с ощущением собственной ненужности. Каша в его тарелке давно остыла, и он машинально водил ложкой по краю, оставляя на фарфоре тонкие, белые следы. Когда звонок наконец завершился, прошло уже полчаса, и на столе стояли остывающие блюда. Жуйси молча, с опущенными глазами и плотно сжатыми губами, ел кашу, игнорируя любые попытки Лу Тинхао привлечь его внимание или разрядить обстановку.

Лу Тинхао, наблюдая за этой детской, но такой искренней обидой, лишь слегка усмехнулся и положил в тарелку Жуйси кусочек хрустящего, золотистого ребрышка, надеясь растопить лед. Однако Жуйси демонстративно вернул кусочек обратно в общую тарелку, продолжая есть свою кашу с видом человека, которого глубоко оскорбили.

— Что случилось? — мягко спросил Лу Тинхао, откладывая палочки и внимательно глядя на юношу.

Молчание было красноречивее любых слов.

— Ты сердишься, потому что я долго говорил по телефону?

Снова тишина, нарушаемая лишь тихим стуком ложки о фарфор.

— Ладно, я виноват. Прости меня, малыш. Я не хотел тебя расстраивать своим невниманием.

Жуйси продолжал молчать, но уголки его губ предательски дрогнули, выдавая внутреннюю борьбу между гордостью и желанием быть услышанным. Лу Тинхао хорошо знал этот характер: внешне колючий и неприступный, как дикий котенок, но внутри жаждущий ласки и подтверждения своей значимости, поэтому он просто достал из кармана маленькую коробочку, перевязанную шелковой лентой, и протянул её юноше.

— Держи. Если не возьмешь, я выброшу это в мусор прямо сейчас, не раздумывая.

Жуйси мгновенно схватил подарок, пробормотав тихо и смущенно, пряча улыбку: «Кто сказал, что я не хочу?»

Лу Тинхао потрепал его по мягким волосам, чувствуя, как напряжение между ними начинает рассеиваться.

— Теперь ешь, пока горячее.

— У меня устали руки, — вдруг заявил Жуйси, поднимая на мужчину большие, влажные глаза, полные ожидания и дерзости. — Покорми меня.

Лу Тинхао замер, держа ложку в воздухе, пораженный неожиданностью просьбы. За свои двадцать девять лет он никогда не позволял себе подобных жестов, считая их слишком интимными даже для близких отношений. Но взгляд Жуйси был таким открытым, доверчивым и полным надежды, что отказ казался невозможным, почти жестоким. Следуя совету А Цин о том, что настоящая любовь проявляется в готовности исполнять даже самые капризные желания, Жуйси проверял границы их связи, рискуя всем ради одного момента близости.

— Открывай рот, — тихо произнес Лу Тинхао, беря ложку с ароматной кашей, от которой ещё поднимался лёгкий пар, пахнувший имбирём и рисом.

Сердце Жуйси забилось так сильно, что гулкие удары отдавались в висках, заглушая все остальные звуки. «Он правда... правда меня кормит...» — пронеслось в голове, и от этой мысли стало ещё жарче. Щеки залились густым румянцем, распространяясь до самой шеи, а дыхание стало поверхностным и частым. Под внимательным, бережным взглядом мужчины он съел две большие порции каши, чувствуя себя укутанным теплом этой новой, пугающей и прекрасной близости, которая стирала границы между дружбой и чем-то большим.

По дороге домой, когда машина плавно катила по ночным улицам, освещенным редкими огнями витрин, Жуйси попросил остановить автомобиль у цветочного ларька. Не дожидаясь вопросов или возражений, он выскочил из салона и растворился в темноте, оставив Лу Тинхао

в недоумении и легком беспокойстве. Через десять минут он вернулся, запыхавшийся, с мокрыми от дождя волосами, держа в руках букет алых роз. Лепестки блестели от вечерней росы и отражали свет уличных фонарей, словно драгоценные камни. Он сел в машину, и в салоне сразу запахло свежей зеленью и морозной ночью. Дома, в прихожей, где пахло свежестью, остатками дождя и едва уловимым ароматом сандалового дерева от вешалки, Жуйси, краснея до корней волос и избегая прямого взгляда, протянул цветы Лу Тинхао. С его куртки всё ещё стекали капли, и они с тихим, ритмичным стуком падали на каменный пол, отсчитывая секунды молчания.

— Брат Тинхао, это тебе.

Лу Тинхао замер, глядя на букет, который казался чужеродным предметом в их привычном мире. За свою жизнь он дарил цветы многим женщинам, соблюдая социальные ритуалы, но никогда не получал их от мужчины, тем более от юноши, которого он опекал с детства, видя в нем лишь младшего брата.

— Тебе не нравятся? — тихо спросил Жуйси, видя отсутствие реакции и чувствуя, как уверенность покидает его, уступая место страху отвержения.

— Нет, они прекрасны. Но почему вдруг цветы? — голос Лу Тинхао дрогнул, выдавая растерянность.

— Потому что я люблю тебя. А Цин сказала, что когда любишь, нужно дарить цветы, чтобы показать свои чувства, сделать их видимыми.

Лу Тинхао почувствовал, как земля уходит из-под ног, а воздух в комнате стал густым и тяжелым, затрудняя дыхание. Он открыл рот, но слова застряли в горле — взрослый, уверенный в себе мужчина, привыкший управлять людьми и решать сложнейшие задачи, сейчас стоял перед этим мальчишкой и не мог выдать ни звука.

— Жуйси, ты понимаешь, что значит «любить»? — наконец произнёс он, и его голос прозвучал тише, чем ему хотелось бы. — Это слово имеет много значений, от дружеской привязанности до глубокой страсти, и...

— Я имею в виду ту любовь, — перебил его Жуйси, и в его дрожащем, но твёрдом голосе прозвучала такая несокрушимая решимость, что Лу Тинхао осёкся на полуслове, — когда хочется быть вместе всегда. Даже спать в одной кровати. Быть ближе, чем просто братья. Быть единственными друг для друга.

Слова прозвучали наивно, но предельно честно и прямо, лишённые всякого лукавства. Жуйси не осознавал всей тяжести и двусмысленности своего признания, он просто говорил то, что чувствовал всем сердцем, выплескивая наружу накопившиеся эмоции.

Лу Тинхао закашлялся, скрывая смущение и шок, который волной накрыл его с головой. «Если

Хэ Ян узнает, что его братец влюблен в меня, он меня убьет», — мелькнуло в голове панической мыслью, смешанной с чувством вины.

— Жуйси, такие вещи нельзя говорить легкомысленно. Любовь — это серьезно, это огромная ответственность и боль.

— Ты мне не веришь? Но я правда люблю тебя, брат Тинхао. По-настоящему, всем сердцем.

Взгляд юноши был таким чистым, открытым и лишенным всякого притворства, что Лу Тинхао не нашел в себе сил для отказа, холодного объяснения или строгой отповеди. Он молча прошел в комнату, чувствуя полный хаос в душе и растерянность, которой не испытывал очень давно, оставляя Жуйси стоять в прихожей с бешено бьющимся сердцем и надеждой в глазах.

Но Жуйси не был из тех, кто легко сдается. Он занес цветы в спальню Лу Тинхао и поставил их на тумбочку рядом с кроватью; ваза тихо звякнула, коснувшись стеклянного абажура ночника, и в комнате мгновенно разлился сильный, сладковатый аромат, а на стену легла новая, незнакомая тень. Глядя прямо в глаза мужчине, он произнес твердо и решительно:

— Если ты сейчас не любишь меня, ничего страшного. Я буду стараться, пока ты не полюбишь меня. Я подожду столько, сколько потребуется. Спокойной ночи.

И, прежде чем Лу Тинхао успел ответить, остановить его или произнести хоть одно слово возражения, Жуйси быстро выбежал из комнаты, оставив после себя густой аромат роз и бурю эмоций, которая теперь бушевала в тишине спальни, нарушаемой лишь тихим, постепенно затихающим стуком его босых ног по коридору. Этот звук эхом отдавался в ушах Лу Тинхао, заставляя его сердце биться в новом, непривычном и пугающе быстром ритме, а когда он стих окончательно и в коридоре повисла звенящая тишина, Лу Тинхао вдруг поймал себя на том, что задерживает дыхание, словно боясь спугнуть что-то невероятно важное. Перемены, которых он так боялся и одновременно ждал, уже стояли на пороге.

<http://bllate.org/book/16098/1614732>